

«Алашординские» частушки: наследие М. Жумабаева в народной памяти

Зубайда К. Сураганова^{1*}, Куралай К. Сарсембина²

¹Институт истории государства МНВО РК, Астана, Казахстан

²Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова (филиал), Астана, Казахстан

*Автор для корреспонденции:

¹suraganova_zk@mail.ru

²kuralai_sk@mail.ru

¹<https://orcid.org/0000-0001-9893-6461>

²<https://orcid.org/0000-0002-5571-7944>

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2023-145-4-318-331>

Аннотация. В статье на основе архивных и полевых материалов, собранных в Акмолинской области, дается общее представление о социально-культурной жизни региона в 20-30-е гг. прошлого столетия. Происходивший в указанный период процесс установления новой власти, направленный на исключение из общественной и политической жизни целых групп людей, определяется ею как «бывшие» и «лишенцы». Их сегрегация объяснялась необходимостью формирования нового общества и государства, построенных на основе социальной справедливости.

В Казахстане, оцениваемом в то время, как один из отсталых регионов Востока, в рамках коллективизации и борьбы с кулацко-байскими элементами проводилась конфискация движимого имущества казахов – скота. Его последствием стала, как известно, гуманитарная катастрофа – голод. Ее предчувствие выразилось в антисоветских частушках.

Новизна работы определяется тем, что в научный оборот вводятся тексты антиправительственных частушек указанного периода на татарском (ногайском) и казахском языках. Анализ текста «алашординской» частушки на казахском языке позволил выявить ее связь с творчеством выдающегося казахского поэта – Магжана Жумабаева и предположить происхождение частушки на основе его произведения.

На примере приводимых частушек представляется отношение «бывших» и им сочувствующих к новой власти. Значительная часть «лишенцев» за годы советской власти подверглась физическому истреблению, моральному и психологическому насилию. Но их голос сохраняется в памяти их потомков – постпамяти.

Ключевые слова: Казахстан; Акмолинская область; казахи; «бывшие»; «лишенцы»; антисоветский фольклор; «алашординские» частушки; постпамять.

Received 11 September 2023. Revised 25 September 2023. Accepted 18 October 2023. Available online 15 December 2023.

For citation:

Suraganova Z.K., Sarsembina K.K. *Alashorda folk songs: M.Zhumabayev's heritage in public memory*// Bulletin of the L.N. Gumilyov ENU. Historical sciences. Philosophy. Religion Series. 2023. – Vol. 145. – №. 4. – P. 318-331. DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2023-145-4-318-331>

Для цитирования:

Сураганова З.К., Сарсембина К.К. «Алашординские» частушки: наследие М. Жумабаева в народной памяти // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. – 2023. – Т. 145. – №. 4. – С. 318-331. DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2023-145-4-318-331>

Введение

Культурно-исторический контекст 1920-30 гг. в СССР: социальная сегрегация «бывших».

Согласно большевистскому пониманию, как отмечают исследователи, принципы социальной справедливости основывались на методике селекции с целью «формирования желательной классовой структуры» (Федорова, 2007: 483), из которой при помощи лишения избирательного права, закрепленного законодательно в 1918 г., исключались «лишенцы» – «лица, прибегавшие к наемному труду с целью извлечения прибыли, живших на нетрудовой доход или занимающихся торговлей», лица из духовного сословия (монахи, духовные служители церквей или религиозных культов всех вероисповеданий и толков), служащие и агенты бывшего имперского государственного аппарата, полиции, жандармерии, «члены царствовавшего в России дома, лица,... руководившие деятельностью, занимавшейся контрреволюционными правительствами» (Конституция РСФСР, 1918).

Списки лиц, лишенных избирательного права на законодательной основе, появились в советском государстве впервые в Конституции 1918 г. (П. 65. Глава 13. Раздел 4. Активное и пассивное избирательное право) (Конституция РСФСР, 1918: 61-62). Позднее лишение или восстановление в избирательных правах предусматривалось целым рядом документов, что свидетельствовало о значимости для процесса советизации вопросов социальной сегрегации и маргинализации населения из числа «бывших». Менее чем через полгода в общей части Декрета ВЦИК «Инструкция о порядке перевыборов волостных и сельских Советов», выработанной Президиумом ВЦИК по исполнению V Всероссийского съезда Советов, на комитеты бедноты возлагается задача проведения решительной борьбы с кулаками, подчинения среднего трудового крестьянства влиянию деревенской бедноты (Декрет ВЦИК, 1918: 66). В документе подчеркивается, что необходимо «обратить особое внимание на то, чтобы в выборах приняли участие только лица, имеющие на то право. Кулаки и контрреволюционеры лишены Советской Конституцией избирательного права, которое предоставлено только бедноте и среднему трудовому крестьянству. При этом, само собою понятно, не должны оказывать никакого влияния на выборы все те эксплуататорские элементы, помещики, кулаки, мироеды, которые были лишены своей собственности в процессе революции. Вчерашние эксплуататоры не могут принимать участия в выборах Советов. Перевыборы будут иметь революционный смысл только тогда, если Советы будут избраны деревенской беднотой и средним трудовым крестьянством» (Декрет ВЦИК, 1918: 68). В примечании главы III указанного Декрета ВЦИК «О лишении избирательных прав» указывается, что в случае нелояльности «если отдельные лица из них (чиновники и деятели как царского, так и контрреволюционных правительств) своей службой или деятельностью не доказали своей лояльности в отношении Советской власти, они могут быть вносимы избирательными комиссиями на основании ст. 23 Конституции Р.С.Ф.С.Р. в списки лиц, лишенных избирательного права» (Декрет ВЦИК, 1924: 992). Такое дополнение демонстрирует суть советского избирательного права, в результате которого граждане лишались избирательных прав не на законодательной основе, а вследствие решения местных властей. Как показывают исследования, вольное толкование нормативно-правовых документов приводило к тому, что подавляющее большинство «лишенцев» «не имело отношения ни к классовым врагам, ни к политическим противникам советского правительства» (Тулбасиева, 2023: 8).

В результате реструктуризации лица, лишенные избирательного права маргинализировались, становились изгоями. «Дискриминация «лишенцев» на основании конституции не только запрещала участие на выборах, но даже выселяла из квартир и поселков; «лишенцы» не имели доступа к получению медицинской и юридической помощи; их дети не могли получить образование; облагались дополнительными налогами;

исключались из производственных кооперативов, колхозов, профсоюзов; не принимались на работу в государственных организациях» (Тулбасиева, 2023: 6).

Процесс ликвидации социально неугодных начался уже, как известно, в 1917 г. Позднее он приобрел характер системной работы. Сначала людей лишали избирательного права, их как бы метили, а затем приступили к фазе их ликвидации как социального класса. Причем акции по ликвидации имели несколько этапов. Так, значительное число дел по конфискации байского датируется осенью 1928 г., но, как свидетельствуют архивные источники, классовая борьба на этом не завершилась. Так, на Акмолинском окружном учредительном съезде окрколхозсоюза, состоявшемся 26 июля 1929 г. участники отметили, что «в связи с бурным ростом колхозов в ауле и деревне растет классовая борьба, в основу которой должно лечь наибольшее выступление на кулацко-байскую верхушку» (приводится оригинальная пунктуация и орфография документа) (Государственный архив города Астана. Ф 241. Оп. 1. Д 23. Л. 11).

О культурном уровне советского аппарата, исполнителей акций конфискации красноречиво свидетельствуют записи в документах. В своем докладе о задачах колхозного строительства советский чиновник «коротко остановился на истории развития колхозного движения, где отметил, что развитие колхозов было еще в крепостное право, но тогда колхозы организовывали помещики исключительно в своих интересах с тем, чтобы самим заставить крестьянство отказаться от выступления против помещиков и т.д. и с целью большей эксплуатации крестьян» (приводится оригинальная орфография документа) (Государственный архив города Астана. Ф 241. Оп. 1. Д 23. Л. 11).

Согласно оценке советского историка А. П. Кучкина (1888-1973), одного из авторов учебника «Краткая история ВКП(б)» под редакцией В. Ю. Кнорина, Казахстан рассматриваемого периода охарактеризован как одна из отсталых республик Востока, где «трудности социалистического строительства особенно велики...». (Кучкин, 1946: 4). Историк объясняет их тем, что революция обошла казахский аул, где экономическая и политическая власть продолжала принадлежать баям, где беднота прозябала в невежестве («грамотность среди казахов составляла не более двух процентов»), слабостью коммунистической организации республики, враждебностью старой интеллигенции, дисперсным расселением казахов и т. п. (Кучкин, 1946: 4-5) [13, 4-5] Для создания подлинных советов в ауле, по мнению А. П. Кучкина, требовалось ликвидировать власть баев, освободить казахское население от влияния родовых и патриархальных пережитков (Кучкин, 1946: 6).

В результате началась работа по ликвидации баев как социального класса. Чем эта государственная акция завершилась, нам хорошо известно. Новая власть слабо понимала специфику степного хозяйствования, суть социальной жизни в казахской степи, которая отличалась от оседлого населения тем, что зажиточная прослойка населения находилась в состоянии постоянных колебаний. Состоятельность богатых скотовладельцев – «баев» у казахов не была константой. Экстенсивный способ ведения хозяйства, зависимость от погодных и климатических условий, богатые поминальные мероприятия, угон скота нередко переводили состоятельных скотовладельцев в категорию середняков, а то и малоимущих. Понятие «бай» не имело четкой социальной определенности, оно означало богатого степняка, имевшего значительное поголовье скота в определенный момент времени. Кроме того, хозяйства еще недостаточно оправались от последствий массового голода 1920-х гг. В результате игнорирования и незнания специфики хозяйствования в Казахстане и последовавшие за этим насильственная седентаризация казахского населения, конфискация скота у крупных скотовладельцев, лишение их таким образом политического и экономического влияния, их высылка, перераспределение конфискованного у баев скота неимущим привели к еще большей социальной драме – голоду начала 1930-х гг. «Взаимосвязанные кампании коллективизации сельского хозяйства и перевода казахов-кочевников на оседлое положение ввергли регион в хаос массового бегства, гражданской войны и беспримерного голода. Эскалация

поставила местное общество на грань уничтожения. Но притом этот кризис обусловил прочность большевистской власти» (Киндлер, 2017: 8). Голод, по мнению ученых, стал следствием перевода казахов на оседлое положение – самого масштабного общественно-политического эксперимента большевиков (Киндлер, 2017: 7).

Состоятельные скотовладельцы, наряду с указанными выше «лишенцами», дополнили ряды «бывших». В целом под «бывшими» подразумевались не только «представители бывших имущих классов, лишенных привилегий в ходе Октябрьской революции 1917 г., но и многочисленный отряд средних социальных слоев, которые по тем или иным причинам были причислены большевистской властью к категории так называемых «бывших людей» или «социально чуждых элементов» (Smirnova, 2003).

Сухой слог официальных документов 1920-1930-х гг. доносит до нас историю социальной ломки, драму людей, которых тогда определили в новой советской лексике как «бывшие». «Такие попытки утверждения власти и государственного строительства, осуществлявшиеся в ходе кампаний коллективизации, были равносильны созданию чрезвычайных социальных ситуаций и общественных кризисов. То, в чем население видело драматичные потрясения, люди из окружения Сталина расценивали как эффективную стратегию властвования. Они правили в режиме непрекращающейся эскалации. Кризисы служили им одновременно стимулом и целью» (Киндлер, 2017: 8).

Материалы и методы

В работе использованы архивные источники для репрезентации культурного контекста рассматриваемого периода. Привлеченные полевые материалы характеризуют отношение к осуществляемой властями политике в Казахстане.

В ходе работы над статьей использованы сравнительно-исторический, системный методы, которые позволили представить общее советское фольклорное пространство, где частушки приобретают форму протеста. Тексты частушек получены в результате применения традиционных этнографических методов: опроса и интервью.

Выявленные в городском архиве столицы Казахстана документы очень точно характеризуют социальную атмосферу 1920-30 гг., положение «бывших» в тогдашней Акмолинской области и г. Акмолинске. Большой интерес представляют архивные источники, где отложилось большое число документов о социальном и имущественном происхождении (Государственный архив города Астана. Ф. Р 182. Оп. 2. Д. 311. Лл. 318-321; Д. 318-321), о состоянии избирательных прав «бывших» (Государственный архив города Астана. Ф. 241. Оп. 2. Д. 12-13), списки лиц, «вычищенных из соваппарата и личного состава горсовета» (Государственный архив города Астана. Ф. Р 182. Оп. 2. Д. 322), о конфискации имущества баев (Государственный архив города Астана. Ф. 241. Оп. 1. Д. 100, 131-135, 174; Ф. 241. Оп. 2. Д. 11, 14-76), о выселении крупных баев с конфискацией имущества (Государственный архив города Астана. Ф. 241. Оп. 2. Д. 11, 14, 17-22), об оказании помощи нуждающимся из конфискованного байского имущества (Государственный архив города Астана. Ф. 241. Оп. 1. Д. 128, 131) г. п.

Антисоветский фольклор, находившийся под запретом в советское время, продолжает храниться в памяти уже не свидетелей той эпохи, а их потомков. В статье приводятся два текста частушек, записанных в 2020 г. со слов уроженки Южно-Казахстанской области 1943 г. р. Социальное происхождение ее родных по материнской и отцовской линиям связано с «бывшими». Отец ее матери Зуры Юмакуловой в девичестве (1905 г. р.) – Юмакулов Абдул (этнический ногаец), со слов информатора, «держал подряд», т. е. строил дома в г. Атбасар, нанимая при этом работников.

Методология

Историческая память в теоретическом осмыслении М. Хирш. То, что наш информатор сохранил в своей памяти частушки, определяется в современной науке термином «постпамять», который введен в научный оборот американским ученым М. Хирш. В рамках теории памяти концепция «постпамяти» позволяет описать отношение «последующего поколения» к личной, коллективной и культурной травме своих предшественников, к опыту, который они «помнят» только посредством историй, образов и поведения, среди которых они выросли. Из-за того, что эти переживания передавались им так глубоко и аффективно, эти воспоминания репрезентируются в памяти «последующего поколения» как свои собственные. Таким образом, связь постпамяти с прошлым на самом деле опосредована не воспоминанием, а воображаемым вкладом, проекцией и творчеством. Она сформирована, хотя и не напрямую, травмирующими фрагментами событий, которые до сих пор не поддаются нарративной реконструкции и превосходят понимание. Эти события произошли в прошлом, но их последствия продолжают и в настоящем (Hirsch). Ключевым тезисом ее работы является стремление показать, что даже менее вовлеченные участники способны принимать участие в создании постпамяти, даже после смерти членов семьи тех, кто являлся непосредственным участником событий (Hirsch, 2008: 111). По ее мнению, на передачу индивидуальных и семейных воспоминаний влияют общность истории и образов, укорененных в коллективном воображаемом, сформированном общественными, поколенческими структурами памяти (Hirsch, 2008: 114).

Постпамять как другой уровень и качество памяти людей содержит в себе факт присвоения себе потомками части травматических воспоминаний членов своей семьи на основе глубокой эмоциональной и душевной привязанности к ним. Не случайно исследователи отмечают, что «во многом пространство памяти в Казахстане – это пространство постпамяти, это семейные истории, рассказанные родителями, бабушками и дедушками, истории появления семьи в Казахстане, которые в тысячах случаев были связаны с насильственными переселениями, раскулачиваниями, государственными репрессиями» (Кадурханова, 2019: 173-174). Постпамять доносит до нас голоса «бывших» и близких им людей. В целом антисоветский фольклор свидетельствует о том, что советская власть не была принята значительной частью населения СССР. Ее принятие произошло только лишь «благодаря развитому репрессивному аппарату, советскому правительству удалось запугать население на долгие десятилетия и создать мнимую лояльность к советской власти» (Игнатенко, 2017). В словах народа правительство видело угрозу советскому государственному строю. Частушки, созданные коллективным автором, свидетельствуют «о насильственно уничтожаемом времени, которое, скорбно приплясывая, в муках и стогах провожала страна» («Летит орел над морем...»).

Обсуждение

Антисоветский фольклор как форма выражения протеста. Сопrotивление коллективизации по всей стране имело как насильственные, так и пассивные формы, одной из которых было распевание антиколхозных частушек, ставшее ярким средством выражения гражданской позиции крестьян. «По мнению исследователей, в политических частушках прослеживается конфликт двух противоборствующих сторон, и одно и то же событие может подаваться с диаметрально противоположных точек зрения. Так, если официальная пропаганда прославляла советскую власть, то неофициальный фольклор был направлен на высмеивание последней. Вероятно, что частушки распространялись и как средство развлечения, но советская власть видела в них угрозу... В 1928 году ОГПУ СССР фиксировало увеличение случаев появления антисоветских стихов, частушек,

которые быстро распространялись среди крестьян, преимущественно в устной форме...» (Игнатенко, 2017).

В течение 1930-х гг. отделы ОГПУ информируют о случаях «демонстративного исполнения частушек». Частушки пели не только «бывшие», но и колхозники. Под контрреволюционные напевы крестьянки танцевали. Так, в 1936 г. в Беларуси, на Гомельщине (деревня Кораблище Чечерского района) на устраиваемых вечеринках крестьянки пели частушки и танцевали под них танец «Три Феклы» (Игнатенко, 2017).

В начале 1930-х гг. в редакциях многих советских изданий «под лозунгом «классовой бдительности» проводились «контрольные проверки». Корреспондентский корпус был нацелен на «классовую борьбу» с зажиточным крестьянством. Вполне вероятно, что публикуемые... тексты были собраны с целью донести до партийной власти подлинные настроения, сложившиеся в селе». Специалисты отмечают уникальность этих текстов, поскольку они рассматриваются сегодня, «как социальные фиксаторы протестных настроений, бытовавших во время коллективизации в крестьянской среде» (Спецсообщение ГПУ, 1934).

Исполнение частушек, хранение их текстов становилось основанием для признания человека «врагом народа» за антисоветскую агитацию и пропаганду с соответствующими последствиями: «срок от 6 месяцев до 10 лет лишения свободы с конфискацией всего или части имущества» (Игнатенко, 2017), вплоть до высшей меры социальной защиты – расстрела. Об этом говорят следственные дела (Симонов). В архиве Костанайской области одно из дел (Хранил написанные контрреволюционного..., 2014) замечательно иллюстрирует такой подход в отношении антисоветской пропаганды в виде частушек. В обвинительном заключении следственному делу № 45202 от 27 ноября 1941 г. УНКВД по Кустанайской области за антисоветскую деятельность был арестован и привлечен к следствию Рат Густав Фридрихович. Помимо прочего ему вменялось хранение написанных им частушек «контрреволюционного содержания, дискредитирующие существующий строй в СССР». По окончании следствия принято решение «Рат Густав Фридрихович, 1909 года рождения, уроженец Днепропетровской области, Панаснянского района, село Берестовое, немец, гражданин СССР, из крестьян-кулаков, беспартийный, образование среднее, не судим, до ареста учитель Надеждинской средней школы Мендыгаринского района. В том, что будучи антисоветски настроен, проводил антисоветскую агитацию, направленную на дискредитацию проводимых мероприятий ВКП(б) и советским правительством, восхваляя мощь фашистской Германии и хранил частушки, совершил преступление, предусмотренное статьей 58 пункт 10 часть 2 УК РСФСР... Ходатайствуем перед особым совещанием при НКВД СССР о применении обвиняемому Рату высшей меры наказания – расстрел». Позднее приговор суда смягчен: «...25 июня 1942 года. Рат Густава Фридриховича признать виновным по статье 58 пункт 10 часть 2 УК РСФСР с применением санкции 58-2 УК и приговорить к 10 годам лишения свободы с поражением в избирательных правах сроком на 5 лет с конфискацией имущества лично принадлежащего осужденному...» (Хранил написанные контрреволюционного..., 2014).

Частушечные напевы в его амбивалентном варианте или прямой передаче используются советскими композиторами и поэтами («Летит орел над морем...»). Начиная с конца 1920-х годов большевики, понимая роль народного фольклора и частушки в том числе, начинают борьбу с их распространением популярнейших устных жанров («слухов», анекдотов). В 1930-е годы «крестьянский фольклор», воспринимавшийся «пережитком» прошлого, считается угасающей традицией, на смену которого должен прийти новый «советский фольклор». В целом этот период – 1920-1930-е годы рассматривается исследователями как время успешного вторжения советской пропагандистской машины в сферу народного фольклора традиционной культуры, когда ей удалось довольно легко подчинить ее своим интересам (Сароглиди, 2017: 86).

Специалисты, собиравшие в это время фольклор в полевых экспедициях, с осторожностью и в тоже время сожалением отмечали: «Будучи в Калининской области,

я встречал много антисоветских частушек, я долго не решался их записывать и отослать вам сейчас, не зная, есть ли в том какая-нибудь ценность. Они обречены на вымирание, но я думаю, «прикрывать» их все же нельзя, так как они многое характеризуют, вернее, характеризовали» (Запрещенные песни..., 2014: 772).

После коллективизации, вызвавшего им голода, огромную роль сыграл фактор влияния пропаганды, которая, начиная с 1938 года, после издания учебника «Краткая история ВКП(б)» безраздельно воцарилась в общественном пространстве государства. Ее роль оценивается сегодня исследователями как большевистский катехизис, ставший эталоном в идеологии, науке и культуре [23, с. 62]. «Советская пропаганда выделялась монументальностью, имела основательную научную (...) основу в виде коммунистических идей, которая придавала ей некоторую респектабельность» (Сергалиев, 2020: 19). Давление идеологических установок правящей партии определяет границы дозволенного в социальной жизни. В официальной жизни советский человек начинает жить в рамках предписанных советской властью норм. В семье, дома этот официальный сценарий не всегда присутствовал, а иногда он имел прямо противоположный характер. Он выражался в воспитании родителями, в их методах. В рамках семьи память хранит семейные истории, которые иллюстрируют суть эпохи. Социальное происхождение в этом случае играло ключевую роль. Оно влияло на то, каким образом складывалась история семьи, насколько ее старшее поколение вписалось и адаптировалось к советской реальности. Социальный протест, который, казалось, исчез вместе с их носителями, насильственно переселенных в глухие, далекие места, репрессированных, сохранили выжившие. Люди из числа «бывших», «лишенцев» или близких к ним отличались наличием собственного представления о жизни, идущее вразрез с советской пропагандой, пусть и не громко, но они сохраняли собственное мнение о происходящем. Сопроотивление новым порядкам перешло в разряд глухих скрытых выражений. Понимая все последствия, носители такого понимания старались высказывать его обтекаемо, но иногда все же их представления сохранялись в такой удивительной форме выражения, как семейный и народный нарративы. В отличие от семейных историй, хранивших память о родных, фольклор был выражением надличностным, народным и анонимным.

Приводимые в настоящей работе два текста частушек исполнялись на ногайском (со слов информатора) и казахском языках. По его воспоминаниям частушки исполнялись ее матерью, им она обучила своих пятерых детей, включая и ее – самую младшую, родившуюся во время войны. Отец нашего информатора так и не увидел своего младшего ребенка, погиб на фронте в 1944 г. Первая частушка на ногайском языке (текст фонетически воспроизведен и согласован с информатором):

Ақ шляпа жилләтә,
Қора шляпа тирләтә,
Штан да юқ, күлмәк та юқ!
Совет бабай ни ішләтә!

Ақ шляпа желдетеді,
Қара шляпа терлетеді,
Шалбар да жоқ, көйлек та жоқ!
Совет бабай не істейді! (ПМА, 2020)

Приведенный текст имеет характер народной частушки, в которой представляются последствия коллективизации. Ее текст собственно похож с аналогиями из других регионов.

Отражение коллективизации и ее последствий представлены в аналогичных частушках крестьян из Гомельщины, Кубани, Прикамья:

Нет ни хлеба, ни колбас,
Разбежится весь калгас (Игнатенко, 2017).

У калгас дарога прама,
А з калгаса касяком,
У калгас пашлі у лапцях,
А з калгаса басяком.
Сталін ходзіць па садам
І збірае слівы,
Кто у калгас не пашоў,
Той і шчаслівы (Игнатенко, 2017).

Колхоз, колхоз
Какое тебе звание,
Без рубашки, без штанов
Идем на собрание (Частушки, собранные редакцией..., 1932).

Пузо голо,
Штаны в клетку,
Выполняем
Пятилетку (Частушки, собранные редакцией..., 1932).

Ты подумай-ка, подружка,
Шуру раскулачили,
его новую гармошку на торги назначили
(Подюков, Свалова, 2013: 14).

Дролю голоса лишили в это
воскресение.
Меня приняли в колхоз, его –
на выселение
(Подюков, Свалова, 2013: 14).

Исполнение детьми частушек подобного рода также не оставались без последствий. Так, согласно одному из источников, из-за исполнения так называемого «кулацкого фольклора» в школе на уроке литературы с ними провели соответствующую беседу, а учителя литературы сняли с работы за то, «что рекомендовал ученикам собирать к/р кулацкий фольклор, кулацкие частушки» (Игнатенко, 2017).

Два следующих четверостишия на казахском языке имеют более глубокую символическую наполненность:

Күн батысты қара бұлт қаптаған,
Көгенде жоқ жалғыз жұлдыз батпаған.
Түн еріп жүр түннен тұған перілер
Тәңірісін табанына таптаған,
Иван есалан.

Күнбатысты қараңғылық қаптаған,
Күні батып, жаңа таңы атпаған.
Түнеріп жүр түннен туған перілер,
Тәңірісін табанына таптаған

Күн батысты қара бұлт қаптаған,
Көгенде жоқ жалғыз жұлдыз батпаған,
Түн еріп жүр түннен тұрған перілер,
Тәңірісін табанына таптаған, Иван есалан
(ПМА, 2020).

Күнбатысты қараңғылық қаптаған,
Көгенде жоқ жалғыз жұлдыз
батпаған,
Түн баласы Тәңірісін өлтіріп,
Табынатын басқа Тәңірі таппаған...

Қап-қара түн. Толқындары қара қан,
Қара түнде өңшең соқыр шұбырған.
Сол шұбырған исансыз соқыр
алдында
Ентелеген кәдімгі Иван есалан
(Жұмабаев, 2023: 11-12).

Слева приведены слова из частушки, сохранившиеся в памяти информатора. С ее слов, куплетов было более 10-ти. Справа строки из стихотворения М. Жумабаева «Пайғамбар». По словам информатора, приведенный слева текст исполнялся ее матерью в виде частушки и сохранился в ее памяти, поскольку текст заучивался наизусть. Под персонажем «Иван есалан», как отмечает информатор, ее мать подразумевала Ленина. Родительница нашего

информатора, передавая своим детям по памяти частушку, называла ее «алашординской» и говорила, что ее пели все из окружения ее семьи в 1930-е гг. во время проживания их семьи в г. Алма-Ате (ПМА, 2020). При этом информатор не был знаком со стихотворением М.Жумабаева «Пайғамбар».

Представленные выше текст частушки и выдержки из стихов выдающегося казахского поэта, как видим, практически идентичны по смыслу и по содержанию. Во всей видимости, текст частушки сформирован на основе стихов поэта, испытавшего на себе социальную сегрегацию, организованную советским государством по отношению к «бывшим». Примеры подобного использования произведений классиков в протестной и тюремной лирике в советский период довольно известны («Летит орел над морем...»).

Заключение

Таким образом, неофициальная реальность в недрах памяти потомков «бывших» и их окружения сохраняла «голос оскорбленного народа» («Летит орел над морем...»), глас скорбящих. Эти частушки есть свидетельство критичного, протестного, где-то непримиримого отношения, с одной стороны, с другой, – их устойчивость в постпамяти говорит как о потенциале памяти вообще, так и о другой шкале ценностей, которыми руководствовались носители памяти, передававшие ее своим детям.

В первые годы советское государство «на законной основе нейтрализовало недовольство, даже возмущение значительной части «непролетарской» массы населения. Позднее, когда начнется политика массовой коллективизации и раскулачивания, явившихся первой волной массовых репрессий в нашей стране, маргинализация примет экстремальный, концентрированный характер, потребуется особый аппарат контроля и репрессий, появится огромный аппарат ГУЛАГа, спецпоселения и многое другое, что ассоциируется с советской машиной социального регулирования» (Федорова, 2007: 495). Однако, несмотря на репрессивные усилия, предпринимавшиеся государством, человеческая память оказалась способной сохранить и донести протест посредством постпамяти следующих поколений.

В отечественной историографии феномен памяти «бывших» недостаточно изучен. Возможно, данное исследование несколько дополнит этот пробел в науке. Настоящее исследование демонстрирует тесную связь между народом и его интеллигенцией, между протестным фольклором и творчеством одного из виднейших казахских поэтов, предвосхитивших катастрофические последствия советизации в Казахстане в первой трети XX века.

Благодарность

Настоящая работа стала в том числе возможной благодаря сотрудникам Государственного учреждения «Государственный архив города Астана»: заместителю директора Ж.Б. Бимолдину, руководителю службы научно-исследовательской и информационно-разъяснительной работы Г.Т. Исахан, старшему научному сотруднику А. Б. Ашимбаевой, архивисту высшей категории Б.Е. Аманжол, которые оказали всемерную помощь и поддержку в поиске документов и работе с ними, в связи с чем авторы выражают им свою признательность.

Работа поддержана научной программой «Исследование исторической памяти населения и политики национального строительства в Казахстане за годы Независимости» ПЦФ МНВО РК (BR21882266), осуществляемой на базе Научного института изучения Улуса Джучи.

Список литературы

- Государственный архив города Астана. Фонд Р 182 (32). Оп. 2. Дело 311. Лл. 318-321.
- Государственный архив города Астана. Фонд Р 182 (32). Оп. 2. Дела 318-321.
- Государственный архив города Астана. Фонд Р 182 (32). Оп. 2. Дела 318-321.
- Государственный архив города Астана. Фонд Р 182 (32). Оп. 2. Дело 322.
- Государственный архив города Астана. Фонд 241. Оп. 2. Дела 12-13.
- Государственный архив города Астана. Фонд 241. Оп. 1. Дела: 100, 131-135, 174.
- Государственный архив города Астана. Фонд 241. Оп. 1. Дело 23.
- Государственный архив города Астана. Фонд 241. Оп. 1. Дела 128, 131.
- Государственный архив города Астана. Фонд 241. Оп. 2. Дела: 11, 14-76.
- Государственный архив города Астана. Фонд 241. Оп. 2. Дела 11, 14, 17-22.
- Декрет ВЦИК «Инструкция о порядке перевыборов волостных и сельских Советов» (2 декабря 1918 г.) // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства. Отдел 1. 8 декабря 1918. № 86. Ст. 901. С. 66-71. [Электрон. ресурс]. – 2023. – URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/126022-dekret-vtsik-locale-nil-instruktsiya-o-poryadke-perevyborov-volostnyh-i-selskih-sovetov-locale-nil-2-dekabrya-1918-g#mode/inspect/page/3/zoom/5> (дата обращения: 02.06.2023).
- Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Инструкция о перевыборах городских и сельских советов и о созыве волостных (районных), уездных (окружных) и губернских (областных) съездов советов. Утверждена 11-го августа 1924 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства. Отдел 1. 27 сентября 1924 г. № 71. Ст. 695. С. 989-993. [Электрон. ресурс]. – 2023. – URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/358235#mode/inspect/page/4/zoom/5> (дата обращения: 02.06.2023).
- Жұмабаев М. Пайғамбар // Жұмабаев М. Баян батыр: өлеңдер мен поэмалар. – Қарағанды: «Qasym баспа үйі», 2023. – С. 11-13.
- Запрещенные песни; к истории социологического изучения городского фольклора в 1920-е гг. (Песни в записи Л. В. Домановского из фольклорного собрания РО ИРЛИ) Публикация и комментарии Н. Г. Комелиной // Из истории русской фольклористики. Вып. 9. – СПб.: Наука, 2014. – С. 762-808.
- Игнатенко И. В. «Война словом»: антисоветские высказывания и антиколхозные частушки на Гомельщине в 1930-е годы // 1917 – 2017: Уроки столетия: материалы междунар. научно-историч. конф. / под общ. ред. А. М. Куксо; М-во транспорта и коммуникаций Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т трансп. – Гомель: БелГУТ, 2017. – С. 206-210. [Электрон. ресурс]. – 2023. – URL: <http://nashkraj.info/vojna-slovom-antisovetskie-vyskazyvaniya-i-antikolhoznye-chastushki-na-gomelshhine-v-1930-egody/> (дата обращения: 10.05.2023).
- Кадырханова А. Бесконечное время «после». Искусство как инструмент осмысления культурной памяти и травмы в постсоветском Казахстане // Живая память. Сталинизм в Казахстане – Прошлое, Память, Преодоление / Под ред. Ж.Б. Абылхожина, М.Л. Акулова, А.В. Цай. – Алматы: «Дайк-Пресс», 2019. – С. 245-271.
- Киндлер Р. Сталинские кочевники: Власть и голод в Казахстане / пер. с нем. Л. Ю. Панфиной. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 382 с.
- Конституция (Основной закон) РСФСР. 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства. Отдел 1. 20 июля 1918. № 51. Ст. 582. С. 51-64. [Электрон. ресурс]. – 2023. – URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/126020-konstitutsiya-osnovnoy-zakon-rsfsr-1918-g#mode/inspect/page/1/zoom/6> (дата обращения: 02.06.2023).
- Кучкин А. Советизация казахского аула (1926–1929 гг.) // Вопросы истории. – № 10. –1946. – С. 3-23.
- «Летит орел над морем...»: Частушки и песни 1930-х гг. о коллективизации на Кубани // Россия. XX век. Альманах. Личный архив А. Н. Яковлева. Вступит. статья, передача текста документов и комментарии Е.С. Власовой, З.К. Водопьяновой и Т.В. Домрачевой. [Электрон. ресурс]. – 2023. – URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/1019289> (дата обращения: 10.05.2023).
- ПМА. Полевой материал З. К. Сурагановой. Информатор: Токашева Тыныскуль, 1943 г.р., Астана. 2020.
- Подюков И. А., Свалова Е. Н. К проблеме описания колхозного фольклора Прикамья // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 1 (21). [Электрон. ресурс]. – 2023. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-opisaniya-kolhozno-go-folklor-a-prikamya> (дата обращения: 15.05.2023).

Сароглиди А. В. Пропаганда в фольклоре Дона в 1920-1930-е годы // ИСОМ. 2017. № 4-2. С. 82-88. [Электрон. ресурс]. – 2023. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/propaganda-v-folklore-dona-v-1920-1930-e-gody> (дата обращения: 15.05.2023).

Сергалиев М. Х. Уроки истории пропаганды. – Уралск: «Полиграфсервис», 2020. – 400 с.

Симонов Иван Романович (1895-1937) // Мартиролог расстрелянных в Москве и Московской области. Память о бесправии. Мир, прогресс, права человека. Проект Музея общественного центра имени Андрея Сахарова. [Электрон. ресурс]. – 2023. – URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/martirolog/?t=page&id=23219> (дата обращения: 13.05.2023).

Спецсообщение ГПУ БССР Г. А. Молчанову о ходе подготовки к весеннему севу по данным на 5 января 1934 г. 10 января 1934 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы Том 4. 1934-1936. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 50-53. [Электрон. ресурс]. – 2023. – URL: <https://istmat.org/node/39747> (дата обращения: 16.05.2023).

Тулбасиева С. К. Лишение избирательных прав в Казахстане. 1920-30-х гг. XX века (на примере города Алма-Ата // Genesis: исторические исследования. – № 3. – 2023. – С. 1-12. [Электрон. ресурс]. – 2023. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lishenie-izbiratelnyh-prav-v-kazahstane-1920-30-h-gg-hh-veka-na-primere-goroda-alma-ata> (дата обращения: 02.06.2023).

Федорова Н. А. Лишенцы 1920-х годов: советское сословие отверженных // Журнал исследований социальной политики. – № 4. – 2007. – С. 483-496. [Электрон. ресурс]. – 2023. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lishentsy-1920-h-godov-sovetskoe-soslovie-otverzhennyh> (дата обращения: 02.06.2023).

Частушки, собранные редакцией газеты «Большевистская смена». Документ № 41. 1932 г. РГАЛИ. Ф. 1712. Оп. 3. Д. 21. Л. 1–3. Копия // Архив Александра Н. Яковлева. [Электрон. ресурс]. – 2023. – URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1019488> (дата обращения: 26.05.2023).

Administrator. Хранил написанные контрреволюционного содержания частушки. По архивным материалам. 14.01.2014. [Электрон. ресурс]. – 2023. – URL: http://kostanay1879.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=3727&Itemid=51 (дата обращения: 02.06.2023).

Hirsch M. Postmemory. [Электрон. ресурс]. – 2023. – URL: <https://postmemory.net/> (дата обращения: 11.04.2023).

Hirsch M. The Generation of Postmemory. Poetics Today 1 March 2008; 29 (1): 103–128. [Электрон. ресурс]. – 2023. – URL: <https://read.dukeupress.edu/poetics-today/article/29/1/103/20954/The-Generation-of-Postmemory> (дата обращения: 11.04.2022).

Smirnova, Tat'jana M. 'Бывшие' в Условиях НЕПА: 'Широкие Перспективы' Или Новые Проблемы? Cahiers Du Monde Russe. 44, no. 1 (2003): 111–33. JSTOR. [Электрон. ресурс]. – 2023. – URL: <https://www.jstor.org/stable/20174764> (дата обращения: 05.06.2023).

Зубайда К. Сураганова¹, Куралай К. Сарсембина²

¹Мемлекет тарих институты, Астана, Қазақстан

²Ш.Ш. Уәлиханов атындағы тарих және этнология институты (филиал), Астана, Қазақстан

Алаш зиялылары жазған қара өлең: М. Жұмабаевтың халық жадындағы мұралары

Андатпа. Мақалада Ақмола облысы бойынша жинақталған архив және далалық материалдар негізінде 1920-1930 жж. өңірдің әлеуметтік-мәдени өмірі зерделенеді. Көрсетілген кезеңдегі жаңа өкіметтің орнығу процесі бүкіл адамдарды «бұрынғылар» және «айырылғандар» (лишенцы) ретінде анықтап, оларды саяси және қоғамдық өмірден аластатуға бағытталды. Бұл әлеуметтік әділеттілік негізінде құрылған жаңа қоғам мен мемлекет құру қажеттілігімен түсіндірілді.

Жаңа билік тұрғысынан ең тиімділердің бірі – «бұрынғылардың» материалдық жағдайына нұқсан келтіру шаралары болды. Сол жылдары Шығыстың артта қалған өңірлерінің бірі ретінде бағаланған Қазақстанда ұжымдастыру және бай-кулак элементтерімен күрес аясында қазақтардың жылжымалы мүлкі болып саналатын – төрт түлігі тәркіленді. Тәркілеудің салдарынан алапат ашаршылық болды. Ашаршылықтың боларын сезген халық төніп келе жатқан зұлматты кеңестерге қарсы жазылған қара өлеңдерде сомдады. Халық фольклорының бұл түрі әлеуметтік наразылықтың көрінісі болды.

Сол кезеңдегі кеңестік билікке қарсы қара өлең мәтіндерінің ғылыми айналымға енгізілуі жұмыстың жаңашылдығын айқындайды. Қазақ тіліндегі Алаш зиялылары жазған қара өлеңдер мәтінін талдағанда, көрнекті қазақ ақыны Мағжан Жұмабаевтың шығармашылығымен байланысын анықтауға және оның шығармасы негізінде қара өлеңдердің шығу тегін болжауға мүмкіндік берді.

Келтірілген қара өлеңдер мысалында болып жатқан оқиғаларға баға берілгендігін зерделейміз. Кеңес өкіметі жылдарында «айырылғандардың» едәуір бөлігі атылды, моральдық және психологиялық зорлық-зомбылыққа ұшырады. Бірақ олардың айтқандары ұрпақтарының жадында сақталады.

Түйін сөздер: Қазақстан; Ақмола облысы; қазақтар; «бұрынғылар»; «айырылғандар»; кеңестерге қарсы фольклор; Алаш зиялылары жазған қара өлең; жады.

Zubaida K. Suraganova¹, Kuralai K. Sarsembina²

¹*Institute of State History of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan*

²*Institute of History and Ethnology named after Sh.Sh. Ualikhanov (branch), Astana, Kazakhstan*

Alashorda folk songs: M.Zhumabayev's heritage in public memory

Abstract. The article provides a general overview of the socio-cultural life in the Akmolinsk region in the 1920s and 1930s, based on archival and field materials collected in the region. During this period, there was a process of establishing a new authority aimed at excluding certain groups of people, identified as «members of the former establishment» (byvshyye) and «disfranchised» (lishenets), from public and political life. Their segregation was justified by the necessity of building a new society and state based on social justice.

One of the most effective actions, from the perspective of the new authority, was the subversive action of material well-being of the «members of the former establishment» (byvshyye). In Kazakhstan, which was considered one of the backward regions of the East at that time, as part of collectivization and the fight against kulak and bai elements, the confiscation of movable property, such as livestock, belonging to the Kazakhs was carried out. The consequence of this action was a well-known humanitarian catastrophe – famine. The anticipation of this famine was expressed in anti-Soviet folk songs called «chastushka». This form of popular folklore became an expression of the social protest.

The novelty of the study lies in the introduction of texts of anti-government folk songs (chastushka) from the specified period into the scientific discourse. The analysis of the text of «Alashorda» folk song (chastushka) in the Kazakh language revealed its connection to the writings of the outstanding Kazakh poet Magzhan Zhumabayev, suggesting that the folk song (chastushka) originated from his composition.

The evaluation of the events is presented through the examples of the provided chastushkas. A significant number of the «disfranchised» (lishenets) individuals was subjected to physical extermination, moral and psychological violence during the years of the Soviet regime. However, their voices are preserved in the memory of their descendants through post-memory.

Keywords: Kazakhstan; Akmolinsk region; the Kazakhs; «byvshyye»; «lishenets»; anti-Soviet folklore; «Alashorda» chastushka; post-memory.

References

- Gosudarstvennyj arhiv goroda Astana. [State Archives of Astana]. Fond R 182 (32). Op. 2. Delo 311. Ll. 318-321 [in Russian].
- Gosudarstvennyj arhiv goroda Astana. [State Archives of Astana]. Fond R 182 (32). Op. 2. Dela 318-321 [in Russian].
- Gosudarstvennyj arhiv goroda Astana. [State Archives of Astana]. Fond R 182 (32). Op. 2. Dela 318-321 [in Russian].
- Gosudarstvennyj arhiv goroda Astana. [State Archives of Astana]. Fond R 182 (32). Op. 2. Delo 322 [in Russian].
- Gosudarstvennyj arhiv goroda Astana. [State Archives of Astana]. Fond 241. Op. 2. Dela 12-13 [in Russian].
- Gosudarstvennyj arhiv goroda Astana. [State Archives of Astana]. Fond 241. Op. 1. Dela: 100, 131-135, 174 [in Russian].
- Gosudarstvennyj arhiv goroda Astana. [State Archives of Astana]. Fond 241. Op. 1. Delo 23 [in Russian].

Gosudarstvennyj arhiv goroda Astana. [State Archives of Astana]. Fond 241. Op. 1. Dela 128, 131 [in Russian].

Gosudarstvennyj arhiv goroda Astana. [State Archives of Astana]. Fond 241. Op. 2. Dela: 11, 14-76 [in Russian].

Gosudarstvennyj arhiv goroda Astana. [State Archives of Astana]. Fond 241. Op. 2. Dela 11, 14, 17-22 [in Russian].

Dekret VCIK «Instrukcija o porjadke perevyborov volostnyh i sel'skih Sovetov» (2 dekabrja 1918 g.) [Decree of the All-Russian Central Executive Committee «Instructions on the procedure for re-election of volost and rural councils». December 2, 1918]. Sobranie zakononij i rasporjazhenij Rabocheho i krest'janskogo pravitel'stva. Otdel 1. 8 dekabrja 1918. № 86. Ct. 901. S. 66-71. Available at: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/126022-dekret-vtsik-locale-nil-instruktsiya-o-poryadke-perevyborov-volostnyh-i-selskih-sovetov-locale-nil-2-dekabrya-1918-g#mode/inspect/page/3/zoom/5> (accessed 02.06.2023). [in Russian].

Dekret Vserossijskogo Central'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta. Instrukcija o perevyborah gorodskih i sel'skih sovetov i o sozyve volostnyh (rajonnyh), uездnyh (okružnyh) i gubernskih (oblastnyh) s'ezdov sovetov. Utverzhdena 11-go avgusta 1924 g. [Decree of the All-Russian Central Executive Committee. Instructions on the re-election of city and village councils and on the convening of volost (district), district (district) and provincial (regional) congresses of councils. Approved on August 11, 1924.]. Sobranie zakononij i rasporjazhenij Rabocheho i krest'janskogo pravitel'stva. Otdel 1. 27 sentjabrja 1924 g. № 71. St. 695. P. 989-993. Available at: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/358235#mode/inspect/page/4/zoom/5> (accessed 02.06.2023).

Zhymabaev M. Pajrambar [Zhumabaev M. Prophet]. Zhymabaev M. Bajan batyr: өлеңдер мен пожелмалар. – Қарағанды, 2023, 11-13 [in Kazakh].

Zapreshhennye pesni; k istorii sociologicheskogo izuchenija gorodskogo fol'klora v 1920-e gg. [Banned songs; to the history of the sociological study of urban folklore in the 1920s.]. (Pesni v zapisi L. V. Domanovskogo iz fol'klornogo sobranija RO IRLI) Publikacija i kommentarii N. G. Komelinoj. Iz istorii russkoj fol'kloristiki. Vyp. 9. Sankt-Peterburg, 2014. P. 762-808 [in Russian].

Ignatenko I. V. «Vojna slovom»: antisovetskie vyskazyvaniya i antikolhoznye chastushki na Gomel'shhine v 1930-e gody [«War with words»: anti-Soviet statements and anti-collective farm ditties in the Gomel region in the 1930s]. 1917 – 2017: uroki stoletija.: materialy mezhdunar. nauchno-istorich. konf. Gomel', 2017. P. 206-210. Available at: <http://nashkraj.info/vojna-slovom-antisovetskie-vyskazyvaniya-i-antikolhoznye-chastushki-na-gomel'shhine-v-1930-e-gody/> (accessed 10.05.2023) [in Russian].

Kadyrhanova A. Beskonechnoe vremja «posle». Iskusstvo kak instrument osmyslenija kul'turnoj pamjati i travmy v postsovet'skom Kazahstane [Endless time «after». Art as a tool for understanding cultural memory and trauma in post-Soviet Kazakhstan]. Zhivaja pamjat'. Stalinizm v Kazahstane – Proshloe, Pamjat', Preodolenie (Almaty, 2019. P. 245-271) [in Russian].

Kindler R. Stalinskie kochevniki: Vlast' i golod v Kazahstane [Stalin's Nomads: Power and Famine in Kazakhstan]. (Moscow, 2017. 382 p.) [in Russian].

Konstitucija (Osnovnoj zakon) RSFSR. 1918 g. [Constitution (Basic Law) of the RSFSR. 1918]. Sobranie zakononij i rasporjazhenij Rabocheho i krest'janskogo pravitel'stva. Otdel 1. 20 ijulja 1918. № 51. Ct. 582. S. 51-64. Available at: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/126020-konstitutsiya-osnovnoj-zakon-rsfsr-1918-g#mode/inspect/page/1/zoom/6> (accessed 02.06.2023) [in Russian].

Kuchkin A. Sovetizacija kazahskogo aula (1926–1929 gg.) [Sovietization of the Kazakh village (1926–1929)]. Voprosy istorii. No 10. 1946. P. 3-23 [in Russian].

«Letit orel nad morem...»: Chastushki i pesni 1930-h gg. o kollektivizacii na Kubani [«An eagle flies over the sea...»: Ditties and songs of the 1930s. about collectivization in Kuban]. Rossijskaja. HH vek. Al'manah. Lichnyj arhiv A. N. Jakovleva. (accessed 10.05.2023) [in Russian].

Podjukov I. A., Svalova E. N. K probleme opisanija kolhoznogo fol'klora Prikam'ja. [On the problem of describing collective farm folklore of the Kama region]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija. 2013. No 1 (21) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-opisaniya-kolhoznogo-folklora-prikamya> (accessed 15.05.2023) [in Russian].

PMA. Polevoj material Z. K. Suraganovoj. [Field material by Z. K. Suraganova]. Informator: Tokasheva Tynyskul', 1943, Astana. 2020 [in Kazakh].

Saroglidj A. V. Propaganda v fol'klоре Dona v 1920-1930-e gody. [Propaganda in Don folklore in the 1920s-1930s]. ISOM. 2017. No 4-2. P. 82-88 Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/propaganda-v-folklore-dona-v-1920-1930-e-gody> (accessed 15.05.2023) [in Russian].

Cepraliev M. H. Uroki istorii propagandy. [Lessons from the history of propaganda.]. Ural'sk, 2020. 400 p. [in Russian].

Simonov Ivan Romanovich (1895-1937). [Simonov Ivan Romanovich (1895-1937)]. Martirolog rasstreljannyh v Moskve i Moskovskoj oblasti. Pamjat' o bespravii. Mir, progress, prava cheloveka. Proekt Muzeja obshhestvennogo centra «imeni Andreja Saharova» Available at: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/martirolog/?t=page&id=23219> (accessed 13.05.2023) [in Russian].

Specsoobshhenie GPU BSSR G. A. Molchanovu o hode podgotovki k vesennemu sevu po dannym na 5 janvarja 1934 g. [Special message from the GPU of the BSSR to G. A. Molchanov on the progress of preparations for spring sowing as of January 5, 1934. January 10, 1934.]. 10 janvarja 1934 g. Tragedija sovetskoj derevni. Kollektivizacija i raskulachivanie. Dokumenty i materialy Tom 4. 1934-1936. Moscow, 2002. P. 50-53. Available at: <https://istmat.org/node/39747> (accessed 16.05.2023). [in Russian].

Tulbasieva S. K. Lishenie izbiratel'nyh prav v Kazahstane. 1920-30-h gg. HH veka (na primere goroda Alma-Ata. [Tulbasieva S.K. Deprivation of voting rights in Kazakhstan. 1920-30s XX century (using the example of the city of Alma-Ata). Genesis: istoricheskie issledovanija. No 3. 2023. P. 1-12. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/lishenie-izbiratelnyh-prav-v-kazahstane-1920-30-h-gg-hh-veka-na-primere-goroda-alma-ata> (accessed 02.06.2023) [in Russian].

Fedorova N. A. Lishency 1920-h godov: sovetskoe soslovie otverzhennyh [Dispossessed people of the 1920s: the Soviet class of outcasts]. Zhurnal issledovanij social'noj politiki. No 4. 2007. P. 483-496. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/lishentsy-1920-h-godov-sovetskoe-soslovie-otverzhennyh> (accessed: 02.06.2023) [in Russian].

Administrator. Hranil napisannye kontrrevoljucionnogo sodержaniya chastushki. [Kept ditties written with counter-revolutionary content]. Po arhivnym materialam. 14.01.2014. Available at: http://kostanay1879.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=3727&Itemid=51. (accessed 02.06.2023) [in Russian].

Chastushki, sobrannye redakciej gazety «Bol'shevistskaja smena». [Chastushki collected by the editors of the newspaper «Bolshevik Smena»]. Dokument № 41. 1932 g. RGALI. F. 1712. Op. 3. D. 21. L. 1–3. Kopija. Arhiv Aleksandra N. Jakovleva. Available at: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1019488> (accessed 26.05.2023) [in Russian].

Smirnova, Tat'jana M. 'Бывшие' v Uslovijah NEPA: 'Shirokie Perspektivy' Ili Novye Problemy? [‘Formers’ in NEPA Conditions: ‘Broad Prospects’ or New Problems?]. Cahiers Du Monde Russe. 44. No. 1. 2003. 111–33. JSTOR. Available at: <http://www.jstor.org/stable/20174764>. (accessed 05.06.2023). [in Russian].

Hirsch M. Postmemory. Available at: <https://postmemory.net/> (accessed 11.04.2023).

Hirsch M. The Generation of Postmemory. Poetics Today 1 March 2008. 29 (1). P. 103-128. doi: <https://doi.org/10.1215/03335372-2007-019> Available at: <https://read.dukeupress.edu/poetics-today/article/29/1/103/20954/The-Generation-of-Postmemory> (accessed 11.04.2022).

Сведения об авторах / Information about authors/Авторлар туралы мәлімет:

Сураганова Зубайда Кабиевна – кандидат исторических наук, Институт истории государства МНВО РК, Астана, Казахстан.

Сарсембина Куралай Куандыковна – кандидат исторических наук, Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова (филиал), Астана, Казахстан.

Suraganova Zubaida Kabieвна – Candidate of Historical Sciences, Institute of State History of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan.

Sarsembina Kuralay Kuandykovna – Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Ethnology named after Sh.Sh. Ualikhanov (branch), Astana, Kazakhstan.

Сураганова Зубайда Қабиқызы – тарих ғылымдарының кандидаты, Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің Мемлекет тарихы институты, Астана, Қазақстан.

Сарсембина Құралай Қуандықызы – тарих ғылымдарының кандидаты, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты (филиал), Астана, Қазақстан.

Copyright: © 2023 by the authors. Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY NC) license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).